

Анна Данилова

Наследство из склепа

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183869*

Наследство из склепа : Эксмо; М.; 2006

ISBN 5-699-15427-2

Аннотация

Да здравствует путешествие! Маша Пузырева, ее брат Никитка и приятель Сергей Горностаев наконец-то решились самостоятельно выехать за пределы Москвы. Правда, получилось не совсем так, как ребята задумывали, – они хотели просто отдохнуть за городом, но тут случилось такое! Соседку Пузыревых – актрису Ларису Ветрову – буквально посреди бела дня похитил какой-то незнакомец. Просто посадил в машину и увез. Теперь у ребят вместо обычного путешествия получилось настоящее расследование – им нужно отыскать Ларису и вырвать ее из рук злодея. Только как напасть на след похитителя? Не иначе придется пускать в ход все свои таланты...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	32
Глава 4	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Анна Данилова

Наследство из склепа

Дорогой читатель Митрес!

Много счастья, мира и
здоровья! А мне - любви -
то самое вечное богатство!

Учитайте, познавайте и
используйте удовольствие от
жизни! И творите сами!

Анке Ваниной (франц)

Глава 1

Актриса Лариса и ее разные туфли

Маша Пузырева в тот день практически полностью перевоплотилась в свою соседку – актрису Ларису Ветрову. Как и положено актрисе драмтеатра, она проснулась поздно, выпила чашку кофе, накинула на себя мамин роскошный французский халат и снова улеглась в постель. Щелкнула пультом – и экран телевизора поприветствовал Машу привычными рекламными сюжетами: шампуни, зубная паста, натуральные соки и жевательная резинка... Скучно. Было самое время побеседовать томным голосом с поклонниками, и как по волшебству зазвонил телефон.

– Сережа, это ты? – пропела Маша медовым голосом, радуясь, что позвонил ее дружок Сергей Горностаев. – Как здорово!

– Предки звонили?

– Во-первых, не предки, а родители, а во-вторых, нет, не звонили. Думаю, что они сейчас заняты друг другом. К тому же, еще такая рань!

– Да уже время обеда! Ты что, еще спишь?

– Сплю, а что, запрещено? – Маша даже говорить старалась таким же ленивым и капризным тоном, как Лариса. – И вообще, Горностаев, у нас каникулы, или ты забыл?

– В том-то и дело, что не забыл. Я все помню, потому и встал рано, привел в порядок тормоза...

– Ты что, был уже в гараже?

– Конечно, был, мы же договаривались. Или ты думаешь, что я настолько безответственный, что могу вот так наплевательски отнестись к своим обязанностям?

– Ладно-ладно, не духарись. Просто я действительно только что проснулась и нежусь в постели. Господи, как хорошо, что я дома совершенно одна!

И в эту минуту Маша почувствовала позади себя какое-то шевеление. Повернулась, и глаза ее встретились с полным презрения взглядом ее младшего брата Никиты, заползшего к ней под одеяло и теперь строящего ей рожицы.

– Вернее, почти одна, – уточнила Маша и показала брату язык. – Но Пузырек не считается... Главное, что нет родителей и теперь мы полностью предоставлены сами себе.

– Ты над маршрутом думала? – не унимался на другом конце провода Горностаев.

– Ну думала, – соврала Маша. Ее почему-то утомил уже этот разговор. Куда приятнее было бы услышать от Горностаева какой-нибудь взрослый комплимент или обещание подарка.

– Это далеко от Москвы?

– Нет, не очень... Знаешь что, Сережа, ты лучше приходи к нам, вместе и подумаем. Но только часа через два-три, идет?

– Ладно, идет, я еще перезвоню...

Маша положила трубку и нехотя поднялась с постели. Все, ее волшебное утро, полное грез, закончилось, и она снова превратилась в восьмиклассницу Машу Пузыреву. И теперь вместо того, чтобы учить роль и заниматься своей внешностью, ей придется тащиться на кухню и готовить завтрак для маленького десятилетнего брата Никиты.

– Вставай и ты, чудовище! – Она схватила Пузырева-младшего за розовые голые пятки и потянула. – Ты выбрал маршрут?

– Выбрал. – Никита состроил сестре очередную смешную рожицу, задрал указательным пальцем правой руки пипку своего маленького курносого носа, а пальцами левой руки оттянув нижние веки глаз книзу. – Только вы все равно никуда не поедете. Врете вы все.

– А вот и посмотрим...

И Маша, тяжело вздохнув и не в силах скрыть своего разочарования от вмешательства в ее утренние планы Никиты и Горностаева, заставила себя умыться и поставить чайник.

Их родители пару дней тому назад улетели в Крым, поручив на десять дней двух своих детей соседке Ларисе Ветровой. Лариса, женщина неопределенного возраста, но всегда выглядевшая на двадцать пять, встретила просьбу Пузыревых с радостью. Она была одинока. «Театр – вся моя жизнь!» – любила повторять Ветрова, как бы говоря: я одна, и у меня в жизни ничего, кроме театра и моих ролей, нет.

– Вы, Тamarочка, – говорила она Машинной маме, – не переживайте. Я ваших ребят и покормлю и прослежу, чтобы у них все было чисто и пристойно. Поезжайте, отдохните пока без них, а пятнадцатого я сама посажу их на самолет и отправлю в Симферополь. Можете на меня полностью положиться...

И Пузыревы улетели. Как большие уставшие птицы – на юг, к солнышку и морю. А Лариса Ветрова, не откладывая дела в долгий ящик, в первый же день приготовила детям обед, испекла пирог и даже купила Никите новую видеокассету с мультфильмами. Словом, теперь в ее жизни появилась новая роль – роль мамы, за которую актриса и взялась со свойственным ей рвением.

Ветрова приходила к Маше с Никитой уже два дня – утром и вечером, и всегда с ее приходом в доме появлялось что-нибудь вкусное или полезное. То печенье с первой черешней, то красивая хрустальная сахарница (у Пузыревых их сахарница разбилась в день отъезда родителей).

Но вот сегодня Лариса почему-то утром не пришла. «Прospала», – решила про себя Маша, разбивая куриные яйца в миску и пытаясь их взбить веселкой.

– Никита, я делаю омлет и никаких возражений не принимаю! – крикнула Маша брату из кухни. – А ты поди умойся, заправь постель, оденься... Уф... – Она снова вздохнула.

И в это самое время в дверь позвонили. «Наконец-то пришла». И Маша, в полной уверенности, что это явилась с

опозданием их соседка, побежала в коридор. Но, распахнув дверь, не увидела никого. Это означало, что тот, кто пришел, стоял за их общей с Ларисой дверью, на лестничной площадке.

– Это я, Сергей...

И Маша, застигнутая врасплох в домашнем мамином халате, сначала кинулась в квартиру, переделалась в шорты и майку, а уж после открыла дверь и впустила Горностаева.

– Мы же договаривались: через два-три часа... Но раз уж пришел – заходи...

Сережа Горностаев – высокий худенький блондин с большими карими глазами, смотрящими на мир по-взрослому серьезно и немного грустно – всегда казался Маше старше, чем она. И несмотря на то, что они были ровесниками и учились в одном классе, в любом их споре последнее слово почему-то всегда оставалось за Горностаевым, хотя «по статистике», как любила повторять Маша, «девочки развиваются намного быстрее мальчиков». Очевидно, Сережа составлял в этом мальчишнике приятное исключение.

– Да я, собственно, и не собирался приходить к вам так рано, если бы не одно обстоятельство...

Говоря это, Сережа почему-то смотрел не на Машу, а поверх ее головы, на дверь Ветровой.

– Послушай, Маша, или я что-то не понял и актерам положено так себя вести на улице, либо с вашей соседкой Ларисой что-то случилось... – И он многозначительно покру-

тил пальцем возле виска.

– А что с ней могло случиться? Ты что, видел ее?

– Вот как тебя! Но она была очень странно одета, во-первых. Во-вторых, на ней были разные туфли. На одной ноге – розовая туфля, а на другой – зеленая! А вместо нормальной одежды на ней был длинный плащ! И это летом, когда все ходят раздетые. Как ты можешь это объяснить?

– Честно говоря, пока не знаю. Знаешь что? Давай-ка позавтракаешь с нами, посидим – поговорим.

И Маша, не придавая значения Сережиным словам и как бы тем самым защищая свою любимую соседку, пригласила Горностаева прямо на кухню.

– Видишь ли в чем дело, дорогой Сережа, – говорила Маша, думая о чем-то своем и при этом продолжая готовить омлет, – люди искусства, люди творческие сильно отличаются от нас, простых смертных. Им по штату положено гулять в чем заблагорассудится, это их право. Вот я когда буду постарше, тоже буду носить в жару плащ или вообще норковое манто. А ты как думал? Красота требует жертв. А то, что Лариса надела разные туфли... Что ж в этом удивительного? Человек таким образом выражает себя. Быть может, у нее действительно сейчас такая роль, в которую она и вживается. Так что выбрось все это из головы... Никита, ты почистил зубы?

– Привет, Пузырек, – поздоровался с Никитой Сережа, по-мужски пожав ему руку. – Как дела? Не достает тебя

Машка?

– Пока нет, но ведь всего два дня прошло. Не знаю, как она будет себя вести дальше. Но вообще-то думаю, она тебе врет, когда говорит, что поедет с тобой...

– Никита! Что ты такое говоришь?! Предатель!

Речь шла о том, что почти весь учебный год Сергей с Машей мечтали о том времени, когда их родители куда-нибудь уедут – одновременно, и они смогут воспользоваться их отсутствием и совершить на свой страх и риск путешествие на автомобиле. И пока на улице был мороз и шел снег, их мечта казалась далекой и несбыточной. Но вот теперь, когда настало лето и случилось невероятное – Пузыревы улетели на юг, а Горностаевы решили навестить своих родителей и отправились на две недели в деревню Романовку, – мечта приобрела довольно реальные очертания. Но если Сергей был готов пуститься в это рискованное путешествие чуть ли не в первый день отсутствия родителей, то Маша со свойственной ей медлительностью и нерешительностью боялась признаться Горностаеву в том, что внутренне не готова к такому отчаянному поступку. Дело в том, что путешествие обещало быть, во-первых, достаточно долгим, во-вторых, опасным уже по той причине, что за рулем стареньких отцовских «Жигулей» должен был находиться несовершеннолетний Сережа. То есть все зависело от счастливого случая, который позволил бы ребятам благополучно выбраться за пределы Московской кольцевой автодороги, то есть не быть остановленными

ми работниками ГАИ. И если Маша втайне мечтала как раз о том, чтобы их остановили и вернули домой, потому что и представить не могла, что будет с ее родителями, когда те узнают о том, что она решилась на такой безумный поступок, то Серега молил бога, чтобы «пронесло».

Целью путешествия было тихое и живописное место рядом с рекой Ги́ли, где бы ребята разбили палатку и пожили самостоятельно «дикарями», отдыхая от своих «детских» обязанностей перед родителями и всем миром и, конечно, от учебы и холода. Это место, которое они про себя называли «Раем», должно было бы стать ИХ местом, куда бы они могли приезжать и будучи взрослыми. Сергей мечтал оборудовать там тайник, куда можно было бы прятать и палатку, и консервы, и даже мангал. В их планы, помимо младшего брата Маши, Никитки (которого они про себя называли Пузырьком из-за его чрезмерного пристрастия к кока-коле и фанте), входил и лучший друг Горностаева Сашка Дронов. Но так случилось, что родители увезли его в Испанию уже в первый же день летних каникул. Да так неожиданно, что Дронов успел предупредить Горностаева об этом лишь за полчаса до отъезда.

«Извини, друг, – вздохнул Сашка на другом конце трубки, – но мои предки всегда ставят меня перед фактом... Поезжайте втроем, а я буду мысленно с вами». Вот так и случилось, что теперь все зависело лишь от Горностаева да от решительности Маши. Что касалось Пузырька, то он за Сер-

геем готов был пойти куда угодно и своим отчаянным характером сильно отличался от своей осторожной и правильной сестрицы. И теперь, когда он понял, что Машка засомневалась и что теперь придется приложить немало усилий, чтобы убедить ее в том, что нельзя упускать такую возможность отдохнуть и почувствовать себя взрослыми, ему ничего другого не оставалось, как рассказать обо всем Горностаеву.

– Я не предатель, просто Сергей должен знать, что мы едем с ним вдвоем, что ты не поедешь. И ни над каким маршрутом ты не думала, не сочиняй... Ты сдрейфила, испугалась, признавайся, чего уж там...

Он говорил так нарочно, чтобы Маша разозлилась и сказала, что все это неправда, что она не такая трусиха, какой ее только что выставил ее братец. Но Маша повела себя довольно странно, чем удивила не только Никитку, но и Серегу.

– Я не испугалась, просто перед тем, как выбрать маршрут, надо сесть и подсчитать, сколько на все это потребуется денег, и составить список необходимых вещей. Деньги нам понадобятся на бензин и на тот случай, если мы где-нибудь застрянем и надо будет заплатить тому, кто согласится нас вытащить или привезти домой. Кроме того, наверняка будут и непредвиденные расходы... Вот был бы Сашка, он бы все подсчитал. Мы же как планировали? Сережа отвечает за машину и все, что связано именно с нашим передвижением: а это техническое обеспечение, ремонт и топливо. Я – за кухню и все, что связано с едой. А Саша – за все остальное.

– А я? – удивился Пузырек. – За что должен был отвечать я?

– За напитки, за воду – ее количество, качество и сохранность, – серьезно ответила Маша. – А я не собираюсь взваливать на себя ответственность за все, кроме машины. Вот поэтому я и не стала пока разрабатывать никаких маршрутов и даже мечтать. Мне все это показалось слишком тяжелым...

Говоря так, Маша перевернула лопаточкой румяный омлет прямо на большое блюдо и разделила на три равные части, которые разложила на тарелки.

– К тому же вы забыли, наверно, что за нами попросили присматривать Ларису. Вы подумали о том, под какой удар мы подставим ее, когда она обнаружит наше исчезновение? Ведь о том, чтобы посвятить ее в наши планы, не может быть и речи!

Сергей, молчавший все это время, придвинул к себе тарелку и, покачав головой, сказал:

– Тогда я поеду один. Машина у меня готова, деньги на бензин я копил весь год, тушенку куплю, палатка есть... Вот только одному как-то... – И он, с трудом подавляя в себе желание раскиснуть прямо на глазах у кормившей его Маши, вдруг неожиданно отодвинул от себя тарелку. – Ну ладно, я пошел. Если до вечера не соберетесь, я поеду один. А что касается вашей соседки, то ты же сама, Маша, говорила: люди искусства сильно отличаются от простых смертных. Я бы на вашем месте нашел слова, чтобы убедить ее в том, чтобы

она позволила вам поехать со мной. Тем более что со мной она более-менее знакома.

И как бы в подтверждение его слов в общем коридоре слышался звон ключей, довольно громкие шаги и хлопанье соседской двери.

Маша кинулась в прихожую, открыла дверь и замерла, прислушиваясь к доносящимся из ветровской квартиры звукам. Приложив палец к губам, Маша вся обратилась в слух. У Ларисы был гость, мужчина, который довольно громко и бесцеремонно разговаривал с актрисой. Да что там: кричал на нее! Сначала слов было не разобрать: мужчина говорил тише, но словно доставляя каждым своим словом боль женщине.

– Учит роль, – прошептала Маша, в душе восхищаясь тому, насколько творчески и самоотверженно Лариса отдается искусству. Она не забыла слова Сергея о том, в каком виде он встретил соседку на улице.

Но чуть позже Лариса уже рыдала совсем естественно, приговаривая одни и те же слова:

– Это не я, вы меня с кем-то спутали. Я не хочу туда лететь, я там никого не знаю. У меня на носу премьера... На мне двое детей, кто за ними присмотрит?..

Дверь, ведущая в коридор, была открыта, и то, что происходило в квартире Ветровой, могли слышать, кроме Маши, и мальчишки.

– Что-то мне не верится, что она учит роль, – сказал Сер-

гей тихо, продолжая слушать и боясь пропустить хоть слово. – Разве можно так естественно рыдать?

– Вообще-то Лариса – талантливая актриса, она и раньше рыдала... Не знаю, что и сказать... А может, постучать к ней? Она откроет дверь, и если на лице будет улыбка, то сразу станет ясно, что Лариса играет и что ее слезы – искусственные...

И не успели они опомниться, как Маша спокойно подошла к двери соседки и позвонила.

– Лариса! – позвала она актрису по имени, как было принято. – Это я, Маша. Вы не позавтракаете с нами?

Спросила и замерла, ожидая, что будет дальше. И действительно, за дверью все стихло, и несколько минут не было слышно ни звука. После чего все же где-то в глубине квартиры произошло какое-то движение, послышались торопливые шаркающие звуки, и дверь открылась. Красное заплаканное лицо актрисы Ветровой сияло улыбкой:

– А... Это вы, ребята... Вам что-нибудь нужно?

Маша заметила, что Лариса стоит босиком, а на ней красные брюки и желтая домашняя майка. От Ветровой пахло сердечными каплями (Маша хорошо знала этот запах: корвалол Лариса принимала обычно в дни премьер, и на этот случай в Машиной семье всегда хранился пузырек-другой).

– Вы репетируете? – смутилась Маша. – Извините, что я помешала. Просто вы так естественно плакали, что мы с Никитой испугались. А так нам ничего не нужно, мы сами при-

готовили завтрак и даже хотели вас пригласить.

И хотя Лариса выглядела не совсем обычно и явно чувствовалось, что она нервничает, Маша приписала это к разыгрываемой только что какой-то душещипательной сцене. Наверняка в таком же возбужденном состоянии был и актер, который находился где-то в глубине квартиры.

– Да... Мы тут репетируем, все в порядке. Завтракайте без меня... Маша, Машенька, – вдруг зашептала она быстро и шепотом, – позвони, пожалуйста...

Но она не успела договорить – словно невидимым воздушным потоком, ее втянуло в квартиру, и дверь захлопнулась.

Маша, обернувшись на выглядывающих из дверного проема Сережу с Никитой, пожалала плечами: она ничего не поняла.

– Ладно, завтракаем дальше, – решила Пузырева. – Мы с вами – форменные болваны (она точь-в-точь повторила папино выражение). И как это нам в голову не пришло, что они не репетируют, а выясняют отношения... А что, если мужчина, который находится в квартире, ее друг, возлюбленный? А мы, дураки, распереживались!

Все вернулись за стол, доели омлет, и Маша налила всем чаю. Впереди ее ждал долгий и утомительный день, заполненный бездельем. Если Лариса и дальше будет себя так вести, то есть забросит их из-за какого-нибудь мужчины, то ей, Маше, придется готовить еще и обед, а то и вовсе приняться за стирку. Такая перспектива ее не устраивала. И хотя Маша

сидела сейчас за столом и пила чай, мысли ее уплыли далеко-далеко, в дивный сосновый лес с большой солнечной поляной, рядом с которой пологий берег чистого водоема; она осторожно ступает в прохладную прозрачную воду, распугивая маленьких рыбок, затем, сама превратившись в рыбку, ныряет с головой в тугую, перехватывающую дух водную темень и плывет, плывет, отдаляясь от берега все дальше и дальше... Затем выныривает, поднимает голову и чувствует распространяющийся вокруг запах костра и печеной картошки; а кругом такая тишина, что хочется услышать дыхание самой воды...

Маша пришла в себя, когда ее кто-то тронул за плечо. Она повернула голову и увидела испуганные глаза брата.

– Ты уснула, что ли?! – тряс он ее за плечо. – Ветрова уехала, вон она, уже села в машину с каким-то типом и уехала...

Маша подскочила к окну и увидела отъезжающую от подъезда большую черную машину с темными стеклами. Сережа Горностаев, стоявший рядом, тихо заметил:

– Я видел, что он почти насильно усадил ее в машину и что она, перед тем как сесть, посмотрела на твои окна. Маш... Она хотела тебе что-то сказать.

– А в чем она была? Снова в разных туфлях? В плаще? – Сердце Пузыревой сжалось от нехорошего предчувствия.

– Да нет, она была шикарно одета, в черный костюм и обуви в черные туфли.

– А еще этот тип держал в руках большой черный чемо-

дан, – подал голос Пузырек. – Это ее чемодан, точно, я сам видел его у Ларисы на шкафу... И вообще, она разрешала мне прятаться в нем. Она уехала, Маша. И даже ничего не сказала.

Маша снова бросилась к двери и выбежала в коридор. Подошла к двери Ларисиной квартиры и толкнула ее. Она оказалась не заперта.

– Сережа, Никита... Идите сюда... – И Маша закричала, увидев на полу рядом с разбросанными как попало плащом, туфлями и сумками лужу крови.

Глава 2

Среди погрома

Квартира актрисы Ветровой походила на поле боя. Опрокинутая мебель, разбросанные вещи, рассыпанная пудра и раздавленная помада, разлитые духи, распахнутые окна и гуляющий по комнатам ветер. Красная жидкость, которую они приняли сначала за кровь, была, возможно, на самом деле кровью, но только бутафорской, которую используют в театре.

– Всем оставаться на своих местах, – приказал Сережа, храбро обследуя комнату за комнатой, как если бы он и в самом деле мог наткнуться на что-нибудь страшное и опасное. – Я знал, я чувствовал, что это не репетиция, что между Ларисой и ее гостем происходит что-то непонятное, но что явно направлено против нее... Он повез ее куда-то, куда она не хотела ехать, и это не в Москве, а в каком-то другом городе...

– Да-да, я тоже слышала, как она говорила, что не хочет туда лететь, что она там никого не знает, – сказала Маша.

– По-моему, это означает, что тот, кто за ней пришел, хотел, чтобы она полетела в другой город, – эти слова принадлежали уже Пузырьку, который, стараясь ни в чем не уступить Сереге, смело шагал за ним следом, шарахаясь то от рас-

простертого на полу мехового воротника, то от раскачивающейся над дверью африканской дьявольской маски.

– Правильно рассуждаешь, Никита, но зачем ему было устраивать в квартире такой погром? Он что-то искал? Но что можно найти в квартире актрисы? Деньги? – Горностаев рассуждал вслух. – Но я не думаю, что у вашей соседки их было так уж много. Насколько мне известно, актерам, как и всем людям искусства, платят мало.

– Я тоже об этом по телевизору слышала... – Маша вдруг почувствовала, что не в силах больше сдерживаться, и расплакалась. – Ведь она же хотела мне что-то сказать, она попросила меня кому-то позвонить, но не успела... Ты помнишь, Сергей?

– Помнить-то помню, но она же не успела сказать, так что ты себя не вини.

– Этот человек словно затянул ее внутрь квартиры и захлопнул дверь. Но я почему-то решила, что они просто-напросто выясняют отношения и что мы не имеем права вмешиваться во взрослые дела. Но если бы она хотя бы успела произнести слово «милиция», то я сразу бы все поняла. Бедная Лариса, как же мне ее жалко!

– Значит, так, – сказал Сергей после того, как осмотр квартиры был завершен и все убедились, что в ней нет посторонних, а также трупов. – Ситуация складывается следующим образом. Некто, назовем его «Иван», заинтересовался Ларисой, но не как актрисой или красивой женщиной, а как

человеком, с помощью которого он может решить какие-то свои проблемы. Я говорю общо, но мы сможем хотя бы таким вот методом исключения попытаться выяснить, что ему от нее было надо.

– И какие же его проблемы могла решить Лариса? – Маша высморкалась в подобранныю с пола салфетку и, застыдившись своего поступка, тотчас скатала салфетку в шарик и выбросила в окно.

– А какие проблемы могут быть у мужчины? – глубоко-мысленно изрек Сергей и снова внимательно посмотрел на погром. – Только деньги! Хотя существует еще целый ряд причин, которые могли толкнуть этого типа на подобный поступок, а именно – заставить Ларису лететь в другой город. Возможно, он влип в какую-нибудь грязную историю, а Лариса, которая много гастролирует...

– Да, она много ездит, – поддакнул ему Пузырек.

– Так вот, она могла оказаться СВИДЕТЕЛЕМ, случайно оказавшимся на месте преступления. И этому «Ивану» могла понадобиться ее помощь именно в даче свидетельских показаний.

– Слушай, Горностаев, где ты научился так разговаривать? – спросила Маша, немного успокоившись.

– Книжки надо читать, а не видик с утра до ночи смотреть, – назидательно и вместе с тем просто ответил Серега и продолжил свою мысль: – Предположим, в том городе, где и случилось ЭТО событие (о нем нам пока еще ничего не извест-

но), в преступлении подозревают именно этого «Ивана». Но у него есть шанс доказать, что он невиновен, да вот только подтвердить это может лишь свидетель. Точнее, свидетельница – наша Лариса. Вот он едет сюда, сначала тихо-мирно просит ее о том, чтобы она поехала с ним и помогла ему. Возможно, даже обещает ей какое-то вознаграждение. Но Лариса...

– ... прежде всего, актриса! – догадывается Маша. – И отказывает этому «Ивану».

– Вот именно. Что ей какое-то вознаграждение, если у нее на носу, как ты говоришь, премьера. Она должна оставаться в Москве.

– Но она могла ему отказать, только если они не друзья, – сказал Никита. – Лариса добрая, и если бы от нее действительно что-то зависело в жизни друга, она бы нашла способ помочь ему.

– Тоже правильно, – согласился с ним Сергей. – Стало быть, они с этим «Иваном» либо едва знакомы, либо совсем не знакомы.

Никита, подобранный с пола ключи от квартиры, ключи, которые он хорошо знал, потому что Лариса часто оставляла их у них дома, тоже был близок к тому, чтобы заплакать. Он держался из последних сил. Вспоминая, какие вкусные печенья в жестяной банке купила для них еще вчера Лариса и как радовалась она, когда дарила ему видеокассету с мультфильмами, он не мог понять, как такой добрый и замечательный

человек мог влипнуть в историю с похищением.

– Ее похитили, – изрек он наконец-то, что не давало ему покоя. – Вот и все.

– Но зачем похищать взрослого человека? – удивилась Маша. – У нее что, родители Рокфеллеры? Какой в этом смысл? Лично я считаю, что «Иван» приходил сюда не для того, чтобы уговаривать ее куда-то поехать. Он приехал сюда, чтобы ВЗЯТЬ у Ларисы что-то такое, что ему было очень нужно. Потому что вещи раскиданы таким образом, словно в квартире что-то искали, причем по-настоящему. Это не следы борьбы. Да и навряд ли Лариса стала бы драться с этим негодяем. И, скорее всего, это были либо деньги, либо драгоценности.

– Драгоценности? – Сергей подошел к туалетному столику, на котором лежали рассыпанные бусы, перевернутые флаконы и тюбики с косметикой и духами. – У нее что, были настоящие драгоценности?

– Да в том-то и дело, что нет! Лариса показывала мне украшения из искусственных бриллиантов и жемчуга. Она надевала это, когда ей приходилось играть роль королев или знатных дам. Но даже если Лариса надевала иногда, чтобы вжиться в роль, кому придет в голову, что они настоящие.

– Хорошо. Тогда посмотри внимательно на все, что ты видишь. Здесь есть чужие вещи или, наоборот, не сможешь ли ты определить, чего здесь не хватает?

– Да я и так вижу, что мебель вся на месте. Платья и ко-

стюмы – тоже...

Когда Лариса бывала на гастролях, Маша иногда пользовалась оставленными Ветровой ключами, пробиралась в ее квартиру и втихаря примеряла артистические (и не только) наряды Ларисы. Конечно же, все костюмы Маша знала наперечет, и теперь ей не составило труда определить, на месте ли они.

– Косметика тоже вся цела, если не считать того, в каком она состоянии... Обувь... Не хватает черных лаковых туфель. Так, стоп. Нет еще и пижамы. У нее была очень смешная пижама, полосатая, зеленая, очень красивая.

– Да она положила ее в чемодан, – предположил Никита. – И зубную щетку, и какую-нибудь куртку, то, что успела...

– Правильно.

– А украшения, драгоценности, о которых ты говорила? А что, если какое-нибудь из них было НАСТОЯЩИМ?

– Да брось ты, Сережа, что ты такое говоришь? Это совершенно исключено. К тому же вон оно, «бриллиантовое» кольцо... – И Маша достала из шкатулки кольцо, которое действительно было похоже на бриллиантовое. При ярком солнечном свете камни засверкали радужными лучами, как настоящие.

– Телефон почему-то работает, – удивился Никита. – А ведь его должны были отключить – Лариса могла воспользоваться им и позвонить в милицию...

– Значит, НЕ МОГЛА. Физически, – снова всхлипнула

Маша.

– Или не могла по другой причине... – произнес загадочно Сергей. – А что, если вы свою соседку знаете недостаточно хорошо? А что, если в ее прошлой жизни имело место, скажем, тоже какое-нибудь преступление или проступок? И вот теперь человек, который знал об этом, приехал и требовал от нее либо свою долю...

– Ну ты, Серега, вообще... того... – не выдержал Никита. – Какое еще преступление? О чем ты говоришь? Если Ветрова и могла совершить что-то противозаконное, то без умысла, нечаянно... Я вот тоже, кстати, разбил сахарницу. Но я ведь не хотел!

– Да уж, если без умысла, то и срок дают меньше... – заметил Горностаев, очевидно, продолжая подозревать Ларису Ветрову в чем-то нехорошем.

– Но она не могла, не могла, – поддержала брата Маша. – И я не понимаю, как это тебе вообще пришло в голову.

– Дело в том, что люди порой бывают близорукими и видят в своих близких только хорошее. Но я также знаю и то, что с нормальными людьми редко случаются подобные происшествия. Вот к вашим родителям почему-то никто не является и не тащит их в другой город. И не надо воспринимать меня, как жестокого человека. Просто я стараюсь быть объективным. Если окажется, что я ошибался, то кому от этого будет хуже?

– Слушай, Горностаев, хватит разводить демагогию (Ма-

ша произнесла эту папину фразу с чувством, как если бы не она, а он сам сделал это). Ты нам лучше скажи: нужно вызывать милицию или нет?

– Так я именно это и хочу понять. Милицию вызвать несложно. Набрал номер, сказал, что соседку похитили и увезли на черной машине, что они, наверное, уже в воздухе или еще в аэропорту – и все. А что будет потом? Думаешь, милиция тут же начнет ее искать? Во-первых, нам могут не поверить, потому что мы – дети. Во-вторых, начнут искать только через три дня. А за это время она будет уже знаешь где?

– Где? – спросил Пузырек.

– Да где угодно!

– Так что же нам – бездействовать?

– Предлагаю запереть ее квартиру и поехать в аэропорт...

– В какой? У нас их несколько, и все они расположены далеко друг от друга. Так мы ничего не успеем.

– У тебя есть другое предложение?

– Да. А что, если позвонить в центральную справочную аэропортов и попросить нам помочь. Я скажу, что моя мама, Ветрова Лариса Васильевна, только что выехала из дома, но все деньги оставила дома. И что я не знаю, куда она полетела, ведь она актриса, и, главное, как узнать, из какого аэропорта и куда она должна вылететь или уже вылетела!

– А что, это идея. У них же наверняка все данные вносятся в компьютер. Давай рискнем, – согласился Горностаев. – А

теперь давайте запрем двери... Никита, что ты там подобрал с пола?

– Да так, ерунда, какой-то рисунок.

И Никита показал поднятый с пола лист. Это была вырванная страница из художественного альбома с репродукцией рисунка, на котором был изображен маленький мальчик, обнимающий мяч.

– Дай-ка посмотрю. – Сережа повертел в руках листок и передал его Маше.

– Я раньше не видела у нее такого альбома. У нее есть Сальватор Дали, альбом с импрессионистами, вон они, на полке, видите? И все большие, дорогие. Их подарили Ларисе ее друзья. Может, я и ошибаюсь, но мне почему-то кажется, что этот рисунок сюда ПРИНЕСЛИ. Что его раньше здесь не было. Если предположить, что Ларисин гость рылся во всех ее вещах и книгах, то почему тогда я не вижу той книги или альбома, из которого мог выпасть этот рисунок? Да и вообще, не похоже, чтобы трогали книги...

– Стоп! Вот это уже важная информация! – воскликнул Сережа. – Если ничего не искали в книгах, значит, искали НЕ ДЕНЬГИ. Потому что деньги большинство людей прячут именно в книгах. Особенно в художественных альбомах, чтобы проще их было потом доставать.

– Но что тогда он, этот «Иван», мог искать в пудренице или в духах?

– А он там ничего и не искал. Просто он устроил весь

этот погром, чтобы испугать Ларису. И не исключено, что это произошло еще до прихода Ларисы. Вот ты, Сергей, видел ее в разных туфлях... А что, если она была вне себя от страха? Она пришла из театра домой, скажем, вчера. Открыла дверь и увидела все это... Испугалась, хотела сначала вызвать милицию, но в это же время ей позвонили и сказали: вызовешь милицию – убью.

– Но куда же она ходила сегодня утром? Ты где ее видел?

– Рядом с гастрономом, здесь недалеко.

– Может, она заходила в сберкассу? – спросил Пузырек. –

Она же не могла отправиться в чужой город совсем без денег?

– А с чего ты взял, что у нее денег нет?

– Так она же мне видеокассету купила, а она целых сто рублей стоит.

– Может, и действительно в сберкассу. Ну что, выходим?

Ребята вышли из квартиры, Маша заперла дверь, и они вернулись домой.

– Никита, ищи номер справочной...

И спустя несколько минут Маша с телефоном в руке уже набирала номер. Долгое время было занято.

– Ты набирай-набирай, пока не получится. Надо ловить момент... – волновался Никитка. – Главное – прорваться...

И вдруг лицо Маши стало бледным, она приложила палец к губам: дозвонилась! И тут прямо на глазах Сергея и Никиты Маша из тихой и скромной девочки с испуганными глаза-

ми превратилась в совершенно другого человека. Сильным и уверенным голосом Маша почти кричала в трубку:

– Девушка, пожалуйста, только не бросайте трубку и выслушайте меня внимательно!.. Я бы ни за что не стала отнимать у вас время, если бы не случилось такое несчастье. Дело в том, что моя мама, известная актриса Лариса Васильевна Ветрова, только что выехала из дома. У нее гастроли, но, где именно, я не знаю. А она оставила все свои деньги и – главное – сумку с костюмами дома! Вы не могли бы узнать из компьютера, куда и когда она летит? Я вас очень прошу! Быть может, она еще не улетела, и я смогу ей привезти сумку в аэропорт?! Наш телефон...

По лбу и вискам Маши струился пот. Она так вошла в роль, словно Лариса действительно была ее матерью и оставила сумку с костюмами дома.

– Хорошо, я подожду. Спасибо большое.

Маша устало вытерла ладонью пот со лба и покачала головой:

– Да уж, ничего себе задачку я ей задала... Но она, эта девушка, оказалась такой вежливой...

Примерно через четверть часа раздался звонок. Вздвигнув, Маша схватила трубку. Карандаш в руке нервно заплясал. «Домодедово. Рейс 137... до Саратова», – записывала Маша.

– Ну, Пузырева, ты даешь! – присвистнул в восхищении Горностаев после того, как Маша закончила разговаривать

по телефону и протянула ему листок со свежими каракулями. – Здесь не написано время вылета.

– А зачем? – пожала Маша плечами. – Лариса уже в воздухе... почти час.

Глава 3

Форс-мажорные обстоятельства

Сергей Горностаев и сам не мог себе ответить на вопрос, что он нашел в Маше Пузыревой и почему его так тянуло к ней. С одной стороны, эта девчонка была редкая зануда. Об этом говорил даже ее брат, Никитка, который при всей своей любви к сестре зачастую «предавал» ее, рассказывая своему старшему другу Сереге некоторые подробности их жизни. К примеру, Маша в своем желании поскорее стать взрослой без конца «пилила» братца за неубранную постель и нечищенные зубы. Заставляла его делать уроки и читать книги. Прячала от Никиты электронные приставки, лишая его возможности играть в свои любимые игры, считая это помешательством и всячески донимая Пузырька своими объяснениями. Кроме того, она считала своим долгом опекать брата по части еды. И уж тут ей не было равных. Никитка под ее пристальным и жестким взглядом, как правило, съедал все, что ему полагалось за завтраком, обедом и ужином, и даже больше того.

«Тебе расти надо. Смотри, какой ты маленький и худенький. А ты все пьешь и пьешь... Одну колу и фанту», – твердила Маша, чуть ли не силой заставляя брата есть ложку за ложкой суп или щи.

Но иногда Маша преображалась и становилась совершен-

но другой, непредсказуемой. И вот тогда находиться рядом с ней было одно удовольствие. А дело было в том, что она время от времени перевоплощалась в какую-нибудь героиню любимой книги или фильма. Или, к примеру, в ту же соседку Ларису, у которой Маша вольно или невольно старалась перенять ее характерные черты. Она, к примеру, вдруг становилась необыкновенно доброй и безвольной, позволяя Никите не то что оставлять в тарелке макароны с котлетами, но даже относить их во двор и скармливать собакам. Или сама ни с того, ни с сего покупала на собственные карманные деньги большую бутылку фанты или кока-колы, чем и вовсе размягчала сердце и без того незлопамятного и добрейшего Пузырька. Разговаривая с братом в этом своем СТРАННОМ состоянии, Маша даже слова растягивала так, как это непроизвольно делала Лариса. И при этом движения ее и взгляд в точности соответствовали созданному ею образу.

Но был у Машки и еще один кумир. Как считал Никитка, Маша иногда превращалась в саму себя, но только такую, какой она и была на самом деле. По гороскопу Маша – Близнец. И, по мнению Пузырька, ей была свойственна двойственность. С одной стороны, Маша была пай-девочкой, какой и хотели видеть ее взрослые, а с другой – была самой настоящей хулиганкой, с совершенно дикими выходками. Может, поэтому-то с ней всегда было так интересно.

– Что будем делать? – серьезно спросил Пузырек Серегу, когда они остались вдвоем в комнате, а Маша отправилась на

кухню мыть посуду. – Предлагаю все-таки позвонить в милицию. А что, если Ларисе грозит смерть?

– Но ведь они же все равно не бросятся ее искать сразу. Будут чего-то выжидать, проверять...

В комнату вошла Маша. Глаза у нее блеснули. В руках она держала тетрадный листок, исписанный шариковой ручкой.

– Значит, так, – сказала Маша быстро, словно боясь, что ее перебьют. – Я все обдумала. Нужно быть круглыми идиотами, чтобы не воспользоваться ситуацией. Здесь у меня список вещей, которые нам необходимо взять в дорогу. Часть из них у нас есть. Остальное надо прикупить. Деньги есть, родители оставили на две недели. Есть еще и доллары, я знаю, где они спрятаны. Но это будет наш НЗ – неприкосновенный запас. В дальнюю дорогу нельзя отправляться без НЗ. Ты, Никита, отвечаешь за напитки, сам знаешь. А ты, Сережа, поди заводи мотор... Я знаю, ты бы и так поехал куда-нибудь, не стал бы дожидаться, когда я решусь. Но я решила. Тем более, что у нас есть причина, по которой мы просто обязаны поехать в Саратов.

– И какая же? – спросил Горностаев, у которого от услышанного аж дыхание перехватило. И хотя он уже знал, что скажет Маша, все равно не мог лишиться себя удовольствия услышать это собственными ушами.

– Форс-мажорные обстоятельства. Похитили нашу соседку Ларису. Машина у нас есть, куда ехать, мы тоже знаем, как спасти – определимся на месте. Главным будешь ты, Сере-

жа, а мы с Пузырьком – на подхвате. Ты согласен?

– Ты еще спрашиваешь...

Горностаев хотел даже броситься к Машке и обнять ее. Просто как друга, как хорошего человека, но в последнюю минуту сдержался и только прищелкнул языком:

– Ну, ты даешь!

– Ты еще мою сестрицу не знаешь. Только двигай за машиной поскорее, пока Машка не передумала, – посоветовал Никита, бросаясь на кухню. – А я начинаю готовить бутылки... На первое время нам понадобятся холодный сладкий чай и термос с кофе. А воду и напитки купим по дороге. Я все рассчитаю.

Горностаев направился к выходу, но, перед тем как ему уйти, Маша предупредила:

– Учти, Сережа, если нас остановят на КП ГАИ – это будет означать только одно...

– И что же?

– То, что НЕ СУДЬБА. ГАИ – единственная причина, из-за которой мы сможем не осуществить свой план.

Но Горностаев знал это и без Маши.

– В крайнем случае, постараюсь все посты объехать. Если же это окажется нереальным, будем рисковать. Да, чуть не забыл... У меня появилась идея. У тебя есть велосипед?

– Ты что, с луны свалился? Конечно, есть, а что?

– А то, что мы твой велосипед вместе с удочками привяжем к верхнему багажнику, как если бы были семьей, от-

правляющейся на дачу за город. К тому же мы едем на обычной «шестерке», а в таком «прикиде» наша тачка мало у кого вызовет интерес. Ну как тебе моя идея?

– Блеск! Не забудь усы приклеить, глядишь, за взрослого мужчину примут... – съязвила Маша, намекая на то, что Серега хоть и был довольно высок, но худобой все равно мог выдать свой возраст. – И не забудь палатку...

Едва за Сережей и Никитой (который отправился за напитками) захлопнулась дверь, Маша кинулась за табуреткой, поставила ее к шкафу и распахнула верхний ящик, где хранились дорожные сумки. «Двух вполне хватит», – решила Машка, сбрасывая их вниз.

Оттащив сумки на кухню, она принялась набивать их дачными пластмассовыми мисками и кружками, вилками и ложками. На дно самой большой сумки Маша положила «Шмель» – устройство, похожее на плитку для готовки и работающую на бензине. Туда же полетели спички, свечи, кастрюльки, маленькие сковородки, надувной матрац, теплые носки и свитера, половник, соль и сахар, ножницы и ножи – все строго по списку...

Когда все было уложено, Маша начала одеваться. Натянула новые джинсовые шорты, белую футболку и, спрятав длинные волосы под холщовую «колонизаторскую» панаму, обула кроссовки. Осталось составлять список продуктов. И тут Машку озарило: СУМКА-ХОЛОДИЛЬНИК! Какое счастье, что она про нее вспомнила. Не мешкая, Маша засуну-

ла в морозилку «элементы» – пластиковые панели с находящейся в них водой, которая до их отъезда просто обязана была успеть превратиться в лед, чтобы потом обеспечить холодом весь «холодильник».

Едва Пузырева это проделала, как в дверь позвонили. Уверенная в том, что это Никита, Маша побежала открывать. Она очень удивилась и даже не успела испугаться, когда увидела перед собой высокого бородатого мужчину, сильно смахивавшего на ее школьного учителя истории.

– Извините, бога ради, – сказал мужчина приятным голосом. – Я звонил вашей соседке Ларисе Ветровой, но у нее никого нет. Вы не знаете, где она?

И Маша, понимая, что похищение Ларисы могло быть связано, возможно, и с этим господином, решила не отпускать его просто так, не попытавшись выяснить причину его прихода.

– А она вам очень нужна? – спросила Маша, чтобы оттянуть время и дожидаться прихода брата или Горностаева.

– Дело в том, что мой визит не совсем обычный. Можно даже сказать... судьбоносный. И мне пришлось преодолеть самого себя, чтобы решиться на этот поступок. Может случиться и такое, что если я сейчас ее не увижу, то уйду и, быть может, никогда больше сюда не вернусь. Но я пришел, понимаете? Пришел. И пусть меня ждет наказание, но я непременно должен ей все рассказать...

– Да вы проходите, Лариса сейчас подойдет, – соврала Ма-

ша, надеясь хотя бы таким грубым методом задержать гостя подольше. – Вот сюда, пожалуйста...

– Спасибо. – Бородач вошел в переднюю и сел на предложенный Машей стул.

– Это связано с ее работой?

– Ой, нет! – замахал руками мужчина. – Ни в коем случае. Но именно ее работа и то обстоятельство, что она актриса и что афиши с ее фотографиями расклеены всюду, и позволили мне понять, что речь идет именно о ней. У них, у актеров, незавидная судьба. Метущиеся души, неудовлетворенность от нехватки ролей, творческие кризисы, постоянные гастроли... Но Ветрова сама во всем виновата. И теперь, когда она решила начать новую жизнь и явно не желает признавать за собой каких-либо обязанностей, мне думается, что самое время ей кое-что рассказать...

Благообразная внешность человека и его странные слова о том, что якобы Лариса начинает новую жизнь, тем не менее, не позволили Маше расслабиться. Она решила никому не доверять. Хотя бы до тех пор, пока не появится Горностаев и сам во всем не разберется.

– У вас такое знакомое лицо, – продолжала тянуть время Маша и даже, расщедрившись, угостила гостя чаем. – Мне кажется, что я вас уже где-то видела.

– Возможно, что видели, но мне бы не хотелось сейчас говорить об этом, – смутившись, отозвался бородач, отпивая маленькими глоточками горячий чай.

– Может, вы артист, как и Лариса? Вы ее коллега?

– Нет, что вы! Я не то что сцены, я людей боюсь. Когда вижу перед собой много народу, мне, знаете, становится как-то не по себе. Я по натуре одиночка. И вполне могу обойтись без общества. Я не понимаю людей, которые не могут находиться наедине с самими собой. Считаю, что это слабые люди. Кто-то скажет, что я эгоист и настолько увлечен собой, что даже раздражаю этим качеством окружающих, но я же никому не приношу вреда...

Маше показалось, что мужчина разговаривает сам с собой.

– Так кто вы? Писатель?

– А что, похож? – обрадовался бородатый. – Хотя мне многие говорят, что я похож на писателя или даже поэта! – И он поднял указательный палец вверх.

У Маши кончилось терпение:

– Вы, наверное, артист цирка?

Бородатый от удивления чуть не выронил чашку из рук.

– Какой там цирковой артист, вы что, смеетесь?! Я художник!

Взгляд Маши в это самое время упал на тот самый листок с рисунком, который подобрал Никитка в квартире Ларисы. Едва она успела взять его в руку, как художник, чуть прижавшись к стулу, буквально вырвал его из рук Пузыревой:

– Постойте... – побледнел бородач и схватился за сердце. – Откуда у вас этот листок? Откуда этот мальчик с мя-

чом? Лариса его видела? Это она вам принесла этот рисунок? Она вам что-то говорила при этом?

Бородатый так разнервничался, что руки его затряслись. Он какое-то время разглядывал рисунок, после чего, швырнув его со словами: «Какой же я идиот!», кинулся к выходу. «Она все знала, знала...» – пробормотал мужчина уже в коридоре и выскочил за дверь.

Маша после ухода бородача еще долго недоумевала. Зачем он приходил? Что ему было нужно? О чем таком могла ему рассказать случайно подобранная с полу репродукция из художественного альбома с изображением маленького мальчика, играющего в мяч?

Но самое обидное заключалось в том, что и Маша-то сама растерялась и не выяснила у странного посетителя, кто же он такой на самом деле и – главное – как его зовут. «Художник»?

Вернулся Никита. Большие сумки, набитые двух- и полуторалитровыми пластиковыми бутылками с минеральной водой и колой, были настолько тяжелы, что бедный Пузырек едва дотащил их до дома. Капли пота стекали с его раскрасневшегося, распаренного лица прямо на майку.

– Лучше бы я отвечал за списки, листки бумаги не такие тяжелые... – ворчал Никита, растирая затекшие ладони. – Ну что, ты еще не раздумала? Собралась?

– Да, я абсолютно готова. Вот только из головы у меня не идет этот бородатый...

И Маша рассказала брату о посетителе.

– Так я же его видел! Он вылетел только что как ошпаренный из подъезда, сел в машину и умчался...

– Вот я и подумала: если уж он так странно ведет себя, значит, я не ошиблась, и он действительно имеет отношение ко всему тому, что произошло с Ларисой. Только простить себе не могу, что так и не удалось спросить его фамилию. Непростительная глупость.

– Да брось, все образуется. Вот сядем сейчас в машину, помчимся в Саратов, найдем Ларису и все выясним.

– Могу себе представить, как же она удивится, когда увидит нас... И вообще, Никита...

– Все. Никаких возражений не принимается. А вот и Горностаев приехал...

И Пузырек, услышав звонок в передней, бросился открывать.

На этот раз действительно пришел Сергей. Он был в огромной джинсовой куртке («Явно отцовская, чтобы казаться пошире и побольше», – отметила про себя Маша), в джинсах, новеньких кроссовках и... кожаных оранжевых КРАГАХ!

– Сережа, я бы согласилась на это путешествие лишь ради одних твоих краг, – расхохоталась Маша, представляя себе, что должен сейчас чувствовать Горностаев, до сих пор скрывавший от нее краги и надеявшийся хотя бы сейчас поразить ее своим потрясающим внешним видом. Она вспом-

нила, как однажды, еще зимой, как-то в разговоре Сергей подробно объяснял ей, что настоящий, профессиональный водитель непременно должен надевать на руки такие специальные кожаные мягкие перчатки, длинные, почти до локтей. Краги! Но как ни объяснял Сергей, как должны выглядеть эти самые краги, Маша все равно представляла себе его сидящим за рулем в черных бархатных вечерних перчатках с ручной цветной вышивкой и уже тогда смеялась над Горностаевым почти до слез. Ее умиляло желание Сергея казаться взрослее.

– Ну что? Как дела? – спросил Горностаев, не обращая внимания на хохот развеселившейся Маши. Ему куда приятнее было сейчас слышать ее смех, нежели нытье по поводу того, что она передумала ехать.

– Да не переживай ты, все о'кей! – успокоила она его. – Осталось только уложить в сумку-холодильник ледяные элементы, заехать в магазин за продуктами, и все – мы готовы к отъезду!

Горностаев от счастья не мог выговорить ни слова. Одна его мечта уже почти была исполнена. И даже если сейчас, думал Сергей, нас остановят и вернут домой, а то и еще хуже – разыщут родителей и сообщат им о том, что совершили их золотые детки, то все равно – где-то с час он будет настоящим водителем. Он будет сидеть на этом волшебном сиденье, уверенно держась за руль, и машина, слушаясь его, понесет их по широким московским улицам навстречу полной

неизвестности, навстречу совершенно другой жизни...

Сергей, как в тумане, носился между квартирой и машиной, укладывая в багажник сумки и привязывая к верху велосипед и удочки. Он не чувствовал ни усталости, ничего такого, что могло бы предвещать неудачу. Ему казалось тогда, что все у них получится.

Наконец, все уложив, друзья уселись на кухне и стали вспоминать, все ли они взяли.

– Ну, с богом, – наконец сказал Пузырек, подражая родителям, которые всегда перед дальней дорогой сидели с минуту неподвижно, уставившись на чемоданы, после чего поднимались и выходили из дома.

– С богом, – подхватили Машка с Серегой и тоже поднялись со своих мест.

– Значит, так, – сказала Маша уже в дверях. – Самое главное – хорошенько запереть квартиру на все замки. Ключи от Ларисиной квартиры я забираю. Если нам судьба найти Ларису – то мы ее найдем и спасем. Если же нет, может, она вернется сама... Хотя, если честно, мне кажется, что с ней все-таки произошло какое-то недоразумение. Ведь еще вчера утром она была такая радостная и счастливая...

Маша потрянула головой, прогоняя невеселые мысли, и вдруг произнесла нечто такое, что удивило, вероятно, всех присутствующих:

– Да-а... Жаль, что у нас нет оружия. Вот был бы пистолет, хотя бы газовый.

И тут Горностаев хлопнул себя ладонью по лбу:

– Машка, ты – гений! И как же это я раньше не додумался?

У твоих родителей есть баллончик, «Антидог»?

– Есть, я даже знаю, где они его хранят.

Машины родители иногда рано утром бегали по парку. В оздоровительных целях. А поскольку именно в это время все владельцы собак начинают активно выгуливать своих питомцев, то Машиной маме, очень боявшейся собак, не оставалось ничего другого, как в целях самообороны и для собственного спокойствия обзавестись таким баллончиком.

Маша принесла «Антидог» и спрятала его в свой пестрый новенький рюкзачок.

– Порядок. Теперь можно ехать.

И все трое вышли из квартиры.

Глава 4

Свободное перемещение в пространстве

Белая «шестерка» в семье Горностаевых считалась машиной Сережи. Отец подарил ее сыну пару лет назад и сделал все, чтобы научить его управлять ею. «Запомни, эту машину придумали люди, у которых мозги ничуть не лучше твоих. А потому наберись, сынок, терпения, изучи ее устройство и постарайся понять основные принципы ее действия. Весь мир ездит на колесах и ничего, справляется. Так почему бы и тебе не освоить ее досконально? Ты – мужчина, уже совсем скоро у тебя будут права и ты сможешь спокойно перемещаться в пространстве куда заблагорассудится. Машина – это свобода. Но прежде чем сесть за руль, надо знать об этом железном звере все. Представь себе, что ты заехал в лес. За грибами. Захотел вернуться домой, а мотор не заводится. И вокруг – ни души. Человеку, незнакомому с устройством машины, вовек не выбраться из леса. Так можно умереть и голодной смертью. Вот поэтому ты должен знать, какие инструменты должен возить в багажнике, и уметь с ними обращаться. Кроме того, при тебе всегда должна быть заправка и пара канистр бензина. Ну и еще, как это ни странно, немного денег на тот случай, если тебе понадобится помощь. Люди,

сын, разные. Кто-то с радостью отбуксирует тебя до самого города, а кто-то потребует за это деньги. Но знай, те деньги, которые он у тебя возьмет, не принесут ему счастья. Он сам влипнет примерно в такую же ситуацию, если не хуже, и испытает куда больше неприятностей, нежели ты. Это закон равновесия, который существует в природе. И пусть ты его, быть может, никогда и нигде больше не встретишь, знай – жадность и жестокость бывают всегда наказаны».

Отец часто разговаривал с Сергеем на подобные темы, всегда, если была возможность, брал сына с собой в гаражи (у них было два гаража: в одном стояла эта самая «шестерка», а в другом – скромный «Фольксваген»), где они вместе ремонтировали машины. И при каждом удобном случае отец давал Сергею вести машину. Сначала это было только на даче, по грунтовой дороге, потом позволил водить на трассе, и вот уже в течение последнего года Сергей ездил прямо по городу. Его отца никогда и никто не останавливал, не штрафовал – он был важной «шишкой» в городе.

«А ты – рискованный парень, весь в меня», – любил повторять отец, и у Сергея от этих слов перехватывало дыхание. Он ждал на газ, обгоняя «Форды» и «Мерседесы», проскакивая в последнюю секунду на зеленый свет светофора.

Ребята помчались по широкой, залитой солнечным светом трассе, навстречу неизбежному КП ГАИ. Они уже успели заехать в магазин и загрузиться продуктами и теперь чувствовали себя намного увереннее.

– Погодка —прелесть! – воскликнула Маша.

– Как по заказу, – ответил Сергей.

Настроение у Маши было приподнятым. Ее радовала дорога, солнце, пейзаж за окном машины. Зато Пузырек чувствовал себя не очень уютно. Напившись колы, он теперь мечтал только об одном – о небольшой остановке. Никита уже открыл было рот, чтобы произнести невозможное: «Останови, пожалуйста», как вдруг услышал Машкино веселое:

– Слушай, Сережа, ты не мог бы остановиться где-нибудь на обочине и проверить колеса?

– А что, тебе кажется, что колесо спустило? – испугался Сергей и тут же свернул вправо, затормозил и выскочил из машины.

А Машка, расхохотавшись как сумасшедшая, выскочила из машины и с индейскими воинственными воплями типа «о-о-о-о-о-у!», похлопывая себя ладошкой по губам, почти кубарем скатилась по высокой густой траве вниз, на пашню, и побежала к кустам. Следом за ней припустился, немного дав влево, Никитка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.